

УДК 821.133.1

РОЛЬ ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПАСКАЛЯ КИНЬЯРА

О. Ф. Жилевич

Полесский государственный университет

г. Пинск, Беларусь

E-mail: jilevitch@gmail.com

Раскрывается роль философско-аллегорического романа в творчестве французского современного писателя П. Киньяра. Философско-эстетические взгляды пи-

сателя отражены в таких принципах как «одиночество», «молчание», «чтение», «свобода». В статье позиционируется характерный повествовательный прием в прозе П. Киньяра, «философская аллегоризация». Данный прием позволил автору уклониться от явных морально-этических умозаключений, был направлен на то, чтобы подтолкнуть читателя выйти за границы повседневности и предоставить ему возможность открыть первостепенность духовных ценностей.

Ключевые слова: французская литература; философско-аллегорический роман; аллегория; чтение; читатель; одиночество; интертекстуальность

Философская проза – одно из актуальных явлений в мировой литературе второй половины XX – начала XXI вв. В ней отразились глубинные художественно-эстетические и идейно-духовные процессы этого периода. Господствующие в разное время позитивистские и иррационалистические течения способствовали процессу формирования и функционирования широкого спектра самых разнообразных повествовательных модификаций философской и, в частности, философско-аллегорической прозы.

Философско-аллегорическая проза сочетает в себе философскую и художественную парадигмы, их разнохарактерные виды действительности объединяются общими качествами. В её основе лежит художественно-философская мысль, оформленная с помощью аллегории по образно-понятийным принципам отражения мышления соответствующей эпохи. Основные черты современной философско-аллегорической прозы – универсализм в решении проблем определенной эпохи, ориентация на притчево-аллегорическую форму повествования с ее двуплановостью композиции и системы персонажей, абстрагированностью хронотопа и наличием подтекстовой информации [3, с. 37].

Аллегория в соотношении с притчевостью формирует особое мироощущение, способ понимания и художественного отражения окружающего мира. В различных словарях литературоведческих терминов и понятий аллегория (от греч. ἀλληγορία – иносказание) определяется как один из видов тропов, иносказательное изображение отвлеченного понятия или явления действительности при помощи конкретного жизненного образа. Его характеристики, отвечая доминантным жизненным свойствам иносказательного явления, вызывают такое представление о нем, которое хотел отразить автор. С. Аверинцев понимает аллeгopию как «условную форму высказывания, при которой дескриптивный образ обозначает нечто “иное”, чем есть он сам, его внутренняя сущность остается для него внешним и оно однозначно зафиксировано за ним культурной традицией» [1, с. 28].

Для решения своих художественно-эстетических идей к философско-аллегорическому роману обращались и продолжают обращаться такие авторы как Дж.Голсуорси, А. Жид, Т. Манн, Л. Пиранделло, Г. Уэллс, Т. Фонтане, А. Франс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, М. Горецкий, Веркор, А. Мердок, В. Голдинг, Г. Гарсиа Маркес, В. Быков, В. Короткевич, П. Зюскинд, Ж.-М. Г. Леклезьо, М. Турнье, С. Жермен, П. Киньяр.

Художественная философия каждого из авторов – это попытка объединить в произведениях философскую, научную и художественную картины мира, исходя из ее универсальности, или приближаясь к ней. Художественное произведение многолико, и масштаб заложенного содержания, возможности литературного прочтения и культурной интерпретации необходимо постоянно наблюдать и фиксировать. [2, с. 302] Несмотря на очевидную распространенность философско-аллегорического романа, многие его специфические особенности до сих пор не разработаны на должном уровне.

Актуальность настоящего исследования обусловлена неразработанностью теоретических и историко-литературных проблем философско-аллегорического романа в контексте французской литературы второй половины XX века как в отечественной, так и зарубежной науке.

Творчество Паскаля Киньяра (*фр. Pascal Quignard, 1948*) ярко подтверждает, что философско-аллегорический роман, пройдя длинную эволюцию, остается востребованным и сегодня.

Философ и переводчик, прозаик, эссеист, лауреат множества престижных литературных премий, П. Киньяр – один из наиболее значимых современных романистов Франции. Паскаль Киньяр родился во французском городе Вермей. Профессиональным писателем стал в начале восьмидесятых годов, с девяностых – полностью посвятил себя литературе. Его произведения – многожанровые: эссе, романы, более двадцати работ по истории музыки и античной литературы. Будущий прозаик увлекался музыкой и древними языками. П. Киньяр учился философии вместе с Даниэлем Кон-Бендитом, среди их преподавателей были Эмманюэль Левинас и Поль Рикёр.

Любовь Паскаля Киньяра к музыке эпохи барокко привела его в Елисейский дворец, к Франсуа Миттерану, который согласился учредить в Версале фестиваль театра и оперы музыки барокко. П. Киньяр стал директором этого фестиваля.

Во Франции Паскаля Киньяра называют «писателем-отшельником» и «тайным писателем», так как он избегает людей и ведет отшельнический образ жизни. В двадцать один год, после пуб-

фикации эссе «Бормочущее Существо», он вошел в престижный и герметичный комитет чтецов издательства Галлимар. С 1988 года П. Киньяр был главным редактором издательства. Но шесть лет спустя, он оставил все официальные должности и целиком ушел в литературу. – «Я чувствую себя счастливым, – сказал он, – когда я свободен от всего и могу предаться одиночеству...» [5, с. 185]

П. Киньяр – автор более 25 книг и Гонкуровская премия (за книгу «Блуждающие Тени» *Les ombres errantes*), в нарушение всех традиций, была ему присуждена за амбициозность его литературных проектов, за размах мысли и разносторонность.

Проза П. Киньяра не укладывается в рамки одной литературной школы или художественного метода. Зарубежные литературоведы относят творчество писателя к экзистенциализму [4], мистическому реализму [6] и постмодернизму [10]. Ч. Вильгельм утверждает, что творческая манера письма П. Киньяра наиболее близка «новому роману» [11].

Однако для нашего исследования наибольшую значимость представляет то, что в своей прозе автор обращается к универсальным вопросам бытия и его познания, поднимает морально-философскую проблематику. Произведения «Читатель» (*Le Lecteur*, 1976), «Во языцех» (*Le Nom sur le bout de la langue*, 1993), «Граница» (*La Frontière*, 1998), «Ребенок со смертельным цветом лица» (*L'Enfant au visage couleur de la mort*, 2006) и многие другие имеют иносказательную поэтику.

Цель данного исследования – выявить специфику и истоки философско-аллегорической поэтики произведений «Читатель» и «Ребенок со смертельным цветом лица» Паскаля Киньяра.

Свои философско-эстетические взгляды П. Киньяр отражает в таких принципах как «одиночество», «молчание», «чтение», «свобода». «Чтение» – это то, что руководит творчеством в первую очередь. Оно предполагает внимательное наблюдение, стремление понять написанное, пропустить через себя. «Чтение» П. Киньяр сближает с «одиночеством»: и то, и другое – способы самоуглубления, равные по своей сути.

«Зов одиночества, по мнению П. Киньяра, – один из самых притягательных голосов, который любые человеческие сообщества посылает человеку.» [6, с. 22] Однако самый главный эстетический принцип П. Киньяра – «свобода». Она проявляется в отрицании социальной, национальной или любой другой идентификации личности.

Человек в мировоззренческой системе П. Киньяра – существо природное, биологическое, непостижимое в бессознательных своих

проявлениях и поступках. Отстаивая свободу творчества и свободу человека, в своей проповеди ухода, затворничества П. Киньяр следует идеям А. Камю, Дж. Апдайка, М. Фриша и другим экзистенциалистам.

В эссе «Свобода» П. Киньяр формирует свое философское и эстетическое кредо, которое будет реализовано во многих художественных произведениях.

Писатель считает, что в этом мире свободно все, что развивается по своим собственным законам. Свобода растения заключается в тех усилиях, которые оно прилагает, чтобы маленькая почка превратилась в цветок. Это является целью его существования. Подлинная же сущность (*imago*) индивида заключается в его разрыве с зависимостью от окружающей социальной среды и в стремление к одиночеству. Под понятием *imago* человеческой природы понимается состояние личности на конечной стадии ее развития. Человек от природы рождается свободным, однако искусственно установленные обществом нормы и границы нарушают это состояние. Свобода способствует формированию личности, ее всестороннему развитию, а рабство (церковные установления, работа на хозяина, запрет на самоубийство) чуждо человеческому естеству и подавляет плоть.

Эстетические принципы чтения, одиночества и свободы, провозглашаемые П. Киньяром, принципиально меняют методологию анализа его творчества.

В одном из интервью газете *Le Monde* писатель вспомнил, как в XVIII веке аббат Ложье высказался о картине Шардена, на которой изображен увлеченный чтением философ: «Мы видим человека в пальто и меховой шапке, опирающегося на стол и очень внимательно читающего огромную книгу в пергаментном переплете. Художник придал ему черты остроумия, задумчивости и пренебрежения. Этот человек – не просто читатель, но читатель-философ, который довольствуется не только чтением, но медитирует и погружается в смысл произведения все глубже и глубже, и ничто его не отвлекает.» [10, с. 40].

Итак, на картине человек полностью абстрагирован от внешнего мира, погружен в своеобразную тишину: кроме книги для него больше ничего не существует. Его взгляд устремлен на страницу, которая раскрывает весь его внутренний мир без отпечатка каких-либо эмоций на лице; время остановилось. Картина передает шок читателя, эффект экстатического созерцания, в свою очередь, ошеломляет зрителя.

Взяв за основу идею, продиктованную впечатлениями от картины Шардена, П. Киньяр лейтмотивом проводит сквозь многие свои произведения аллегорию *Чтения*. Персонажи на страницах его книг

часто изображены держащими в руках книгу, тем самым как бы бросают вызов времени. Вот как пишет автор в романе «Тайная жизнь» (*Vie secrète*, 1998): «я часто испытывал необычайное ощущение открывающейся двери, внезапно пересеченного порога, внезапно головокругительного мыса в моей жизни, самое грубое, самое ясное, самое живое, самое глубокое переживание связано с чтением книги [...]». Страницы – это листья внезапно открывшегося окна. Это ощущение будто ты вышел из пещеры после длительного заключения» [9, с. 220].

Лексемы «дверь», «порог» и «окно» приобретают интертекстуальный характер и иносказательное значение в произведениях писателя, так как они связаны с Чтением и отражают сакральное познание истины посредством книги. К примеру, в романе «Бродячие тени» (*Les Ombres errantes*, 2002) героиня (немка) заботится о молодом человеке, который находится «в ином царстве», что означает его погружение в чтение.

Произведения «Читатель» и «Ребенок со смертельным цветом лица» – это своеобразный диптих, аллегории со вставными конструкциями в форме сказочного повествования.

Книга «Читатель» состоит из эпизодов, не связанных по смыслу, наполненных иносказательными приемами. Автор стремится создать впечатление некой тайны, погружая читателя буквально с первых строк в паутину метафор, аллегорий и символов: «По идее, её (одной из героинь произведения) исчезновение произошло в результате некоего несомненно чудовищного обмена старой души с погибшим телом. На Вашем месте я согласился бы с этим, без малейшего колебания» [8, с. 13]. Поначалу кажется трудным опознать пропавшего без вести человека, о котором идет речь: портрет нарисован, но на нем видны лишь несколько расплывчатых черт. Этот отрывок в основном характеризуется отсутствием референта, связанного местоимением «он», часто связанным с глаголами действия: «Он мало писал. Он много читал.» [8, с. 13] и с притяжательными местоимениями. Тем не менее, вскоре после этого предлагается важное уточнение: «В 1492 г., в 1519 г., в 1531 г. кричали: «Земля!», направляясь из Мексики или Перу к берегам Америки, это был он!» [8, с. 13] – поэтому тот, кто находится в центре произведения, является первооткрывателем миров, *terra incognita*. Постепенно количество упоминаний о книгах увеличивается, и становится очевидным, что непризнанный персонаж, без тела и имени, ни живой, ни мертвый, которого пытается понять рассказчик, не является читателем. Его суть – вечная мимолетность, отсюда и его неуловимость. Он появляется из книги в книгу, постоянно принимая

различные формы: то он вечный странник, вечный прохожий, никогда не находящий себе пристанища. И действительно, «[если] бы были все книги, которые он читал, если бы было время для каждой книги-доктрины, была бы превознесена прозопопея...» [8, с. 17].

Конструкция диалога «Я / Ты», которую писатель часто вводит в текст произведения, позволяет сфокусировать внимание читателя, вовлекая его в поиск истины. Однако, несмотря на переплетение референциальных дискурсов (упоминаются Клод де Мароль, Гюг де Сен-Виктор и др.), в книге отсутствует очевидный результат этих поисков: «Итак, что я сделал? Я написал эту книгу. Я наблюдал, как растут камни.» [8, с. 17] В романе вставная конструкция сказочного повествования используется для оценки физиологического состояния читателя, которого чтение привело к смерти. Так, отец, прежде чем исчезнуть навсегда, зовет своего сына и дает ему следующий наказ: «[...] Никогда не читай книг. Я запрещаю тебе. Кроме одной книги, она – священная, она – твое богатство» [8, с. 19].

Несмотря на то, что в книге нет развития сюжета, детальных описаний, сцен из жизни героев, в иносказательной форме приводится разъяснение слов отца. Через несколько лет ребенок, нарушив запрет, погружается в чтение:

«Теперь, когда он непрерывно читал, не зная усталости, вокруг него сформировалось пространство, простирающееся дальше третьего моря, пространство, которое превышало необъятность нашего мира. По сути, в этом не было ничего магического. Все вокруг отмечали, что он очень похудел; что его кости, казалось, уменьшились, выглядели очень хилыми; что его дыхание стало более тяжелым и неровным; его голос охрип; его глаза утратили сияние; но, прежде всего, они утверждают, что его лицо стало смертельного оттенка.» [8, с. 26-28).

Этот фрагмент приобретает черты фантастического повествования. Человек как будто отдает свою жизнь взамен на *Чтение*. Чем больше ребенок читает, тем больше он увядает. Далее автор выстраивает произведение согласно сказочному дискурсу. Дважды *Читатель* просит мать выбрать ему жену, дважды по дороге молодые девушки встречают одну и ту же старуху, высокомерно отвечают на её вопросы, и просят её уйти с дороги. Дважды ночью новобрачные умирают. В третий раз, младшая из сестер соглашается выйти замуж за *Читателя*, но она останавливается по дороге и рассказывает о своем горе старухе. Пожилая женщина дает ей совет, как спастись: в первую брачную ночь необходимо надеть три разных платья, и каждый раз, когда персонаж скажет ей раздеться, она должна попросить сначала раздеться его. Сцены раздевания имеют аллегорический смысл: три-

жды персонаж приказывает снять ей одежду, и трижды он сам снимает свою мертвенно-окрашенную кожу, а затем, «его щуплая плоть», «тусклые глаза», наконец, его тело исчезает. Вместо исхудавшего образа *Читателя* перед младшей сестрой предстает «образ мужчины красивее дня». Мать *Читателя* бросает заколдованную книгу в огонь, «ее страницы развернулись и вспыхнуло яркое пламя». [7, с. 75-76] Сияющая сила огня, мотив которой пронизывает творчество П. Киньяра, оживляет тело ребенка-*Читателя* на несколько секунд, он бросает последний свой взгляд (взгляд Медузы) на мать и оба умирают. И герои, и книга сгорают в одном пламени. В данном случае огонь является символом торжества света и жизни над мраком и смертью.

Таким образом, аллегория *Чтения* связана с идеей о том, что с помощью чтения человек получает возможность открыть себя, переступить повседневность и получить энергию знаний. В романах П. Киньяра «Читатель» и «Ребенок со смертельным цветом лица» открывается богатейшая эрудиция автора, неподражаемая самобытность течения его философской мысли, оригинальность художественной манеры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аверинцев, С.С. Риторика и истоки европейской традиции / С.С. Аверинцев. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С. 367-432.
2. Губская, О. Н. Проза Максима Горьцкого и современный культурный контекст / О. Н. Губская // Национальные культуры в межкультурной коммуникации : сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции / ответственный редактор С.Ю. Лебедев.—Минск, 2018. – С. 295-302. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36725410>. – Дата доступа: 09.03.2021.
3. Жилевич, О.Ф. Современный философско-аллегорический роман: жанровые особенности / О.Ф. Жилевич // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3: Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія : навукова-тэарэтычны часопіс. – 2019. – № 2. – С. 37-43.
4. Bonnefis, Ph. Pascal Quignard. Son nom seul / Ph. Bonnefis / Paris: Galilée, 2001. – 122 p.
5. Lapeyre-Desmaisons, Ch. Le secret et la source dans l'oeuvre de Pascal Quignard, Modernités, n° 14 / Ch. Lapeyre-Desmaisons // Dire le secret. – Paris, Presses universitaires de Bordeaux, 2001. – P. 183-195.
6. Pautrot J.-L. Pascal Quignard / J.-L. Pautrot – Gallimard – Grasset / Institut français, 2013. – 171 p.
7. Quignard, P. L'Enfant au visage couleur de la mort / P. Quignard. – Paris, Gallimard, coll. « Folio », 2006. – 160 p.
8. Quignard, P. Le lecteur / P. Quignard. – Paris, Gallimard, coll. « Folio », 1976. – 160 p.
9. Quignard, P. Vie secrète / P. Quignard. – Paris, Gallimard, coll. « Folio », 1998. – 280 p.

10. Weinrich, H. Pour une histoire littéraire du lecteur / H. Weinrich // Conscience linguistique et lectures littéraires. – Paris, Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1989. – P. 39-51.
11. Wilhelm, Ch. Trends in recent English fiction and criticism in South Africa / Ch. Wilhelm // English in Africa. – 1978, 17-27 September. – P. 30-92.

PHILOSOPHICAL AND ALLEGORICAL NOVEL IN THE WORKS OF PASCAL QUIGNARD

O.F. Jilevich

Polessky State University

Pinsk, Belarus

E-mail: jilevitch@gmail.com

The role of the philosophical and allegorical novel in the works of the French contemporary writer P. Quignard is revealed. The writer's philosophical and aesthetic views are reflected in such principles as "loneliness", "silence", "reading", "freedom". The article positions a characteristic narrative device in P. Quignard's prose, "philosophical allegorization". This technique allowed the author to evade obvious moral and ethical conclusions, was aimed at pushing the reader to go beyond the boundaries of everyday life and provide him with the opportunity to discover the primacy of spiritual values.

Keywords: French literature; philosophical and allegorical novel; allegory; reading; reader; loneliness; intertextuality